Аввакум и Софроний — чадолюбивые отцы. Вспоминая о тяжелых годах сибирского заточения, Аввакум свою дочь Аграфену называет «бедной горемыкой». А Софроний с грустью сообщает, что кирджалии разорили его дом в Арбанаси, дети бежали в город Свиштов и спали там на рогожах, а у него не было денег купить им одежду. И лишь двумя словами, подобно Аввакуму, он говорит об этом несчастье: «Скорб голям!».

Так экономно и красочно могут писать о своих переживаниях только настоящие художники слова, пусть и недостаточно профессионально подготовленные, но обладающие верным чувством истинно художественного и драматичного в жизни и искусстве.

И Аввакуму, и Софронию случалось проходить через места битв враждующих орд: Аввакуму — между татарами и башкирами, Софронию — между правительственными султанскими войсками и бандами Османа Пазвант-оглу.

Страшные ломающиеся льды угрожают жизни обоих писателей: Аввакуму — на озере в Даурии, когда он ловил рыбу, чтобы прокормить свою семью, а Софронию — при переходе через Дунай на пути в Румынию.

С желчным укором обращаясь к никонианам, Аввакум смеется над ними: «. . . огнем, да кнутом, да висилицею хотят веру утвердит». А когда Софронию предложили принять магометанскую веру и грозили в случае отказа убить, направив на него пистолет (это «предложение» было сделано в связи со злополучной женитьбой болгарина на болгарской девушке, понравившейся турку), он обратился к угрожавшему турецкому начальнику со словами: «А, ефенди, хич вяра сас пушка бива ли?».

Характеризуя себя, и Аввакум, и Софроний указывают, что они мало учены. Аввакум говорит: «Не учен диалектики, и риторики, и философии», а Софроний сообщает, что учился немного, так как в его время в Болгарии не было «философское учение».

Не раз в дни самых тяжких испытаний и страданий Аввакум умел подняться над невзгодами и посмеяться. Когда дочь его Аграфена, будучи еще малым ребенком, ходила к Афанасию Пашкову за едой, вспоминает он, «иногда дадут ей, а иной раз и обругают». «И горе, и смех!», — пишет Аввакум. Что касается Софрония, то юмористический взгляд на житейские невзгоды, на жизнь вообще — не какое-то случайное проявление, а постоянный атрибут его трезвого реалистического мироотношения, элемент, который ощущается во всем его творчестве. Именно этот юмористический стиль придает «Житию и страданиям грешного Софрония» глубоко индивидуальный характер и является причиной того, что произведение запоминается с первого чтения.

До сих пор речь шла главным образом о сходных деталях в обоих Житиях, но сходство рассматриваемых Житий выражается не только в этом. Прежде всего следует отметить то, что в своей основе это первые настоящие автобиографии в русской и болгарской литературах, написанные на народном языке.[11] Настоящие потому, что в каждой строке, в каждом слове искрится и кипит живая жизнь, полностью преодолевающая традиции церковной житийной литературы, герои которой, как правило, не живые люди, а идеологические схемы. Перед нами не просто автобиография, а многофигурные повести с широким идейным охватом.[12] Важной чертой обоих житий-автобиографий является ярко выраженный психологизм, выдвижение на передний план человеческой личности, с ее глубокими эмо-

---

[11] Гусев, стр. 36; Гудзий, стр. 445; Софроний Врачански, стр. 29.

[12] Гусев, стр. 35; История русской литературы (в трех томах), т. 1, стр. 353; Софроний Врачански, стр. 27.